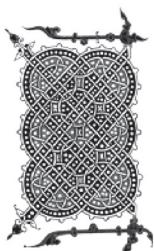

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ОЧЕРКИ

© 2022 М. И. Щербакова
Москва, Россия

ЖИЗНЬ В ВЫШЕНСКОМ ЗАТВОРЕ: ПО ПИСЬМАМ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА

Аннотация. Предложенное в статье описание вышенского затвора святителя Феофана (Говорова) основано на письмах преосвященного, в которых он объясняет причину своего уединения, его духовные смыслы, отличия от затвора настоящеего, описывает Вышенскую пустынь, устоявшийся распорядок своей жизни, делится мыслями о беспрепятственном книжничестве, о занятиях и планах, о пользе рукodelья, касается бытовых вопросов. В статье также использованы воспоминания А. П. Покровского, Ю. М. Тихомировой и других о жизни святителя Феофана на Выше до строгого затвора, начавшегося весной 1873 г. Подробности кончины святителя Феофана на Богоявление 1894 г. приводятся по публикации в журнале «Душеполезное чтение».

Ключевые слова: Россия, Православие, Феофан Затворник Вышенский, Вышенская пустынь, затвор, эпистолярий, мемуары.

Щербакова Марина Ивановна (Shcherbakova Marina Ivanovna) – доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИМЛИ РАН, заведующая научно-исследовательским центром «Русская литература и христианская традиция», m-shcherbakova@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 29. С. 61–67

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>
УДК – 271; ББК – 86.372.24-57; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-29/61-67>

ВЫШЕНСКОЙ пустыни святитель Феофан провел 27 лет 5 месяцев и 2 дня: с августа 1866 по день кончины 6 (19) января 1894 г.

Что мы знаем об этом продолжительном периоде, когда были созданы главные книги преосвященного и основной корпус его эпистолярного наследия? Главными источниками остаются письма (Творения 1994), в которых немногословно, с присущим юмором, способным ввести в заблуждение неискушенного читателя, преосвященный Феофан описывал свое затворничество.

Значение писем подчеркивает митрополит Калужский и Боровский Климент, председатель Начально-редакционного совета по подготовке Полного собрания сочинений святителя Феофана: «Богатое эпистолярное наследие и многочисленные публикации святителя Феофана являются неиссякаемым источником для размышлений и руководством в духовной жизни православных верующих на протяжении уже более ста лет: как его современников, живших во второй половине XIX в., так и христиан, перешагнувших рубеж третьего тысячелетия» (Климент 2019: 9).

К числу первых упоминаний о намерении уйти на покой относится письмо еп. Феофана к митрополиту Исидору (Никольскому) от 13 апреля 1866 г.: «12-го марта подано мною прошение об увольнении меня на покой. <...> к подаче прошения побудили меня не какие-либо неприятности внешние, а одно давнее желание устраниться от дел, к которым не лежит душа» (Летопись 2022: 646).

30 мая – еще одно письмо к митрополиту Исидору с благодарностью «за теплое участие в моем деле». Объясняет свое решение и действия, с ним связанные: «Я ни у кого не спрашивал совета <...> Наперед знаю, что никто не скажет да. <...> Дело трудное! Почему все на себя и взял. Сам добивался, сам и отвечай – перед собою и перед всеми. Думается, в этом будет не малая опора терпению молчаливому, если не встречу чаемого покоя. В действии сем не было и нет ничего тревожного. <...> Пребывание мое на покое радужно по желанию моему, но я обсуживал не это радужное, а наиболее – все неприятности и трудности, могущие встретить меня. На все изъявляю готовность <...> Я ищу покоя, чтобы покойнее предаться занятиям желаемым, но не дилетантства ради, а с тем непременным намерением, чтобы был и плод трудов, – не бесполезный и не ненужный для Церкви Божией. Имею в мысли служить Церкви Божией, только иным образом служить. Даруй, Господи, чтобы не отщетилось сие намерение, если буду удостоен покоя!» (Творения V: 8–11).

В Шацкую Успенскую Вышенскую пустынь епископ Феофан прибыл 3 августа 1866 г. – для управ-

ления ею с предоставлением ему права пользования всем по званию настоятеля (Летопись 2020: 17).

Из воспоминаний неизвестного лица о прибытии епископа Феофана в Вышенский монастырь: «Приехал он из г. Шацка, в сопровождении только одного келейника иеродиакона Иосифа из Богословского монастыря. Поелику в пустыни уже ранее знали о времени приезда туда нового настоятеля, его встретили с подобающей его сану честью, всею братиею, с колокольным звоном, при небольшом стечении народа. Владыка настоятель проследовал прежде всего в Казанский собор, а оттуда, помолившись там и благословив собравшихся, в приготовленное для него помещение в настоятельских покоях» (Летопись 2020: 27–28).

6 августа на Преображение Господне преосвященный Феофан возглавил праздничную службу, положившую «начало непрерывному служению Господу в течение всей жизни епископа Феофана в Вышенской пустыни» (Летопись 2020: 28).

Первые впечатления преосвященного Феофана о Выше были таковы: «Пустынь обещает покой. Монастырские порядки здесь прекрасные, братия хороша. Служба долговата, но можно привыкнуть. <...> Есть труженики крепкие, которые все службы выстаивают и не присядут, серчают даже, если кто попросит присесть. Пустынь в лесу. К каждому воскресенью и празднику собирается порядочно народа и черного и белого. Помещаются на гостиницах и питаются от монастыря. Ни одного дня еще не проходило, с тех пор как приехал, чтоб не было причастников. По всему Выша – преутешительная и преблаженная обитель! Я здесь так покоен духом, что лучшего и желать не следует!» (Творения V: 11–12).

Уже 14 сентября, то есть по прошествии 40 дней пребывания в Вышенской пустыни, епископ Феофан подал в Святейший Синод прошение об увольнении от управления Вышенским монастырем и назначении пенсии (Летопись 2020: 42). Сообщая об этом Н. В. Елагину, писал: «А недаром на Воззвание пришлось писать. Верно крест себе воздвигаю. Воззвигнуть не мудрено... понесть-то как» (Творения VII: 29).

Первые весточки о Вышенском уединении преосвященного Феофана были благоприятны. 19 октября бывший Владимирский губернатор А. П. Самсонов оповещал из Санкт-Петербурга секретаря Владимирского губернского статистического комитета К. Н. Тихонравова: «Наш милый Феофан, с которым я в постоянной переписке, уведомляет меня, что ему очень хорошо в Вышенской пустыни и что он пользуется своим уединением для умственных занятий. Боюсь, однако, что с его живым и деятельным характером к нему не заехала бы скука» (Летопись 2020: 51). Опасения были излишни.

Елагину преосвященный сообщал о работе над «Патериком», просил не забывать «помечать новости. Пока жив человек – и в пустыне любопытствует о мире и движениях его. Но я воистину райствуя в пустыне» (Творения VII: 34–36).

На Рождественские праздники 1866/1867 гг. из Москвы на Вышу приехал учитель племянника Алеши Говорова – А. П. Покровский, вспоминавший позднее: «Владыка Феофан, тогда еще не заключившийся в келейном уединении, принял меня вполне с родственным расположением, и в постоянном общении с ним я провел, с 28 декабря до 6 января, счастливейшие дни в моей жизни, а вечера поистине святые. Что в особенности поражало и в непосредственном личном общении <...> – это также необычайная простота, которой отличаются и его письма, и даже еще большая. <...> Будучи истинным аскетом в своей келейной жизни, он в обращении с другими как бы избегал казаться таковым. Постящийся наедине, пред другими он являлся как бы не постящимся и с помазанною главою. В нем, по крайней мере, я не замечал никакой внешней сурвости, черствости и даже суности тона в обращении с тем, кто имел к нему доступ и общение с ним. Наоборот, речь его была очень живая, лившаяся, можно сказать, рекой, при всегда спокойном, как бы слегка улыбавшемся выражении его благообразного лица» (Летопись 2020: 70).

Внучатая племянница святителя Феофана Юлия Михайловна Тихомирова в статье «Из воспоминаний о преосвященном Феофане, докторе богословия» отмечала: «Вдали от людей, на лоне природы, преосвященный Феофан глубже чувствовал близость Божию и усиливал свои молитвенные подвиги. <...> Не стесняемый посторонними заботами святитель постоянно писал, то изъясняя Слово Божие, то занимаясь переводами, то разбирая бесчисленные письма и составляя ответы, – все это с энергией, с любовью, неустанно, непрерывно. <...> Убранство его дома было самое простое, главное украшение составляли прекрасные художественные произведения живописи и литературы. Святитель не чуждался жизни и общественных запросов. Он следил, по газетам и журналам, за духом времени, за умственным и нравственным развитием общества» (Летопись 2020: 71).

Затвор святителя Феофана протекал в специально выстроенном для него просторном и удобном деревянном помещении над каменной монастырской просфорней. Сохранилось его описание: «Все оно разделено на четыре больших комнаты, величиною равных друг другу. Комнаты обставлены чрезмерно просто. Первая, по входе, при жизни святителя Феофана была у него приемною. Все ее убранство составляло: несколько самых простых

икон, на одной из стен большое полотно с изображением, кажется, св. Тихона, на другой стене пять рам с грамотами на звание почетного члена четырех духовных академий и с дипломом на степень доктора богословия, мягкий кожаный диван, несколько таковых же кресел, два простых стола и немного простых стульев... Эта комната, как и остальные, с неоштукатуренными стенами, с окрашенными полами... Во второй комнате, первой из трех комнат, которые были недоступны даже для немногих редких посетителей епископа Феофана, при жизни его находилась часть его громадной библиотеки, стол и пюпитр, около которого он, временами, стоя, занимался. <...> Третья комната – собственно библиотека. Все четыре стены этой комнаты горизонтально, сверху до низу, разделены полками, которые сплошь заставлены книгами на разных языках (еврейском, древне- и новогреческом, латинском, французском, немецком, английском, славянском, русском). Большая часть книг богословского, нравоучительного и церковно-исторического содержания. Немало книг по истории гражданской, по философии, словесности, математике, архитектуре, живописи, медицине; есть географические карты, исторические атласы на разных языках, альбомы картин различных художников; масса духовных журналов; есть и светские иллюстрированные. Здесь же целые груды собственных сочинений преосвященного Феофана и масса его рукописей – более пяти стоп писанной бумаги. В этой же комнате стоит шкаф с письменными принадлежностями. <...> Наконец, последняя комната служила спальней для преосвященного Феофана» (Летопись 2020: 107–108).

Позднее к этим четырем комнатам прибавились домовая церковь и мастерская.

Первые месяцы 1873 г. были отмечены сосредоточенными мыслями о затворе. Преосвященный предупреждал желавших видеть его: «Разгоревались, что на Вышу дороги нет. Незачем. – Подымете вы такой труд, а что найдете? Дрянного стариченка, ябеду и болтуна, скалозуба... Стоит ехать, чтобы увидеть такое чучело. – Я ведь вам изображаю действительность, а не придумываю. И должен вам, по совести, дать такой совет. Если письма вам сколько-нибудь полезны, ими и довольствуйтесь. Приезд на Вышу сделает то, что и письма уж ничего вам приносить не станут. И взвалите вы на мою шею двойной грех... а ей уже и так не в утерп...» (Творения V: 23–25).

Начало затворнической жизни епископа Феофана в Вышенской пустыни было положено в понедельник первой недели Великого Поста 1873 г. С этого времени он принимал у себя только настоятеля пустыни архимандрита Аркадия, духовника и келейника Евдокима.

Жизнь преосвященного в глубине затвора была скрыта от посторонних глаз. «Даже иноки Вышенской обители мало знали о нем, даже слуга покойного, ближайший к нему человек, и тот не был посвящен в эту таинственную жизнь, являясь в келье только по зову и на короткое время... <...> с этого года, казалось, все отношения его к внешнему миру прекратились, с этого периода он, можно сказать, только телом принадлежал земле, духом же обитал в горнем мире...» Один из иноков Вышенской обители пишет, что за последний период полного затвора они, иноки, могли только судить о жизни владыки, «и то по малым ее проявлениям». «Известно нам, что в течение 21 года богочеловек наш единенник совершал в своей малой церкви келейной, в первые десять лет каждый воскресный и праздничный день, а в последние одиннадцать лет ежедневно божественную литургию, а также и другие положенные св. церковью богочеловеческие и свои личные. Келейный служитель приготовлял богочеловеческому святителю в определенное время только самое необходимое для литургии: облачение, вино церковное и просфоры. Совершал свои богочеловеческие единенник один пред Господом, в сослужении свв. Ангелов... На вопрос ближайшего своего почитателя-ученика, как он служит литургию, покойный святитель говорил: служу по служебнику молча, а иногда и запою... <...> Постничество, умерщвление плоти было у святителя нашего совершенное. Он был как бы проникнут весь духовностью и тело свое питал для того только, чтобы оно помогало духу его жить свободно, легко... Иначе, подчиняясь хоть в малой мере плоти и крови, он не мог бы вместить в своем духе такой высокой премудрости Божией, какая обитала в нем и выразилась в столь многочисленных богоуминых его творениях» (Хитров 1895: 19–20).

О первом опыте строгого затвора святитель Феофан писал в марте 1873 г. «почтенной особе в Тамбове»: «Нынешний пост я положил не показываться людям и к себе никого не принимать. Две недели прошли хоть не без нападков, но те легки были. Как налетела Н.Н., и не знал, что делать. Насилу устоял, на волоске было мое упорство. Все-таки устоял. Хорошо ли, худо ли, на своем таки остался. Но если Бог благословит так хорошо пртерпеть до Пасхи, то и навсегда так будет. Или по крайней мере – от Пасхи до Пасхи» (Творения III: 41).

Через полгода – тому же адресату, в ответ на его намерение посетить Киев: «И мне стала приходить мысль побывать в Киеве, и даже что на Афоне. Но верно все это искушение. Мне не след разъезжать... И даже кажется самый лучший порядок жизни для меня тот, который теперь держу. Почему начинаю уже проговариваться в молитвах... дай Господи по-дольше посидеть, чтобы высидеться. Хорошо ведь;

только иногда приходят порывы полететь куда-нибудь. Но потом это проходит, – и опять берет верх желанье быть одному» (Творения III: 43).

Вслед за этим еще одно письмо 17 октября 1873 г.: «Меня смех берет, когда скажет кто, что я в затворе. Это совсем не то. У меня та же жизнь, только выходов и приемов нет. Затвор же настоящий – не есть, не пить, не спать, ничего не делать, только молиться... Я же говорю с Евдокимом, хожу по балкону и вижу всех, веду переписку... Ем, пью и сплю вдоволь. У меня простое уединенье на времена. Собираюсь хоть пост провести как настоящие затворники; но немощная плоть на попятную от этого. На Афон и в Киев точно может быть искушение; но, ведь, враг умеет все обставить красибою благовидностью. Да теперь уж нет позыва на то» (Творения III: 43–44).

Духовное родство Выши и Афона подчеркивает игумен Лука (Степанов): «Есть таинственная связь и мистическое подобие между равновеликими вершинами, как бы далеко друг от друга они ни располагались. Так Выша и Афон, святая личность епископа-затворника и святогорское монашество, русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь и Успенская Вышенская пустынь в центре Руси обнаруживают очевидное духовное родство, особо содержательное сходство, глубокое единство, подтверждаемые многочисленными историческими фактами» (Лука 2016: 28–29).

В письме к полковнику С. А. Первухину святитель Феофан пояснял особенность своего уединения: «Из моего запора сделали затвор. Ничего тут затворнического нет. Я заперся, чтоб не мешали, но не в видах строжайшего подвижничества, а в видах беспрепятственного книжничества. Что из этого состряпали не знать что, я этому не виню» (Корольков 1915: 37–38).

Глубокий исследователь духовного наследия святителя Феофана архимандрит Георгий (Тертышников) отмечал, что «Святитель Феофан в начале своего пребывания в Вышенской пустыни испытывал борьбу с помыслами, которые внушили ему сожаление о раннем оставлении кафедры. В 1872 году после кончины митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова-Попова), канонизированного Русской Православной Церковью в 1977 году, духовное начальство предложило епископу Феофану принять в управление Московскую епархию, а потом, в этом же году, предлагало ему заседать в судном отделении Святейшего Синода. В 1879 году святителя Феофана Затворника приглашал в Японию архимандрит, отец Николай (Касаткин) (святой равноапостольный Николай, архиепископ Японии), через Святейший Синод. Но святитель Феофан отказался от этих приглашений» (архимандрит Георгий (Тертышников) 1997: 11).

В письмах святителя Феофана из затвора часты сетования на «свою благоверную» – лень. «И работать что-нибудь леность одолевает. Все бы спал, да поджавши руки сидел. Иногда и корпаешь что-нибудь. Да подумаешь себе, из-за чего я буду себя мучить, и брошу... и ну ходить фертом в бока. А дни за днями текут и смерть приближают. Что сказать и чем оправдаться, – совсем не нахожу. Беда! у Ефрема Сирианина есть плач на свои писания. Ведь, писано-то, говорит, хорошо, а я-то какой. Увы! Уж если он это находил нужным говорить, то наш брат Шацкий... как будет изворачиваться?.. Станешь писать, как распекаешь, а на деле жидок. Вот и достанется в сто раз больше, чем всем другим... Увы, увы, увы» (Творения III: 43–44). Исследователи неизменно подчеркивали, что «самая яркая особенность эпистолярного стиля святителя Феофана – это та живая речевая стихия, которая не только присутствует в письмах, но и переполняет их» (Плещакова 2010: 50).

Бытовые подробности жизни в затворе раскрываются в письмах святителя Феофана к А. Д. Тарбеевой. «Сколько тревог я наделал своим нелюдимством, но делать нечего. Так надо. – Как постом было, так будет и до следующей Пасхи. Не буду выходить сам и к себе принимать» (Летопись 2020: 407), – писал он ей 2 мая 1873 г. И еще: «Вот я со всеми говорю через письма... Вижу народ в монастыре, и он меня видит на балконе. Только внутри никто не бывает, и речей не ведем, и только. Затвор такой разве? То – ни слуху, ни духу... Как умер будто. Ну тот затвор страшен. А этот что? – И только на год. Гуляю только на балконе, который тоже заширен. Я вижу в дырочки, а меня редко кто» (Летопись 2020: 414). В зимнее время сообщал: «Ныне снежок, и балкон затворил. Но все погуливаю. Мне не скучно сидеть. Работаю иногда, так хожу – все движение. Благослови, Господи, жить вам в бесшумной тишине. Молитва при этом покойней идет» (Летопись 2020: 437).

Почтенной особе в Тамбов святитель Феофан давал совет: «Рукоделье какое держите в руках, а то скука придет. Все читать, да молиться – голова не сдюжает. Особенно после еды... без рукоделья от сна не отбьешься» (Творения III: 42). И сам придерживался этого правила, о чем писал Тарбеевой: «Я загадываю учиться переплетать книги. Читаю об этом руководство в ремесленной газете. Так все просто, что проще плетенья лаптей. Вот-вот возьмусь, сначала брошюровку чинить, для которой не нужны никакие инструменты. А потом настоящий переплет потребует инструментов. Когда задумаю приступать к сему делу, обращусь к Вам с просьбой достать в Москве переплетные инструменты. Они, чай, не дороги и не сложны. Все деревянное. Только

обрез – вещь... но это, может быть, далеко...» (Летопись 2020: 418–419).

Особенно любил святитель Феофан токарные работы: дарил подсвечники, рюмочки и проч. поделки корреспондентам. Сообщал в письме к А. Д. Тарбеевой о своих занятиях: «Точить начал. Замечаю, что это очень хорошо. Но дерева, какие у меня есть, перетрескались, так что ничего дельного не выходит. Можно наточить только какую-нибудь мелюзгу». В связи с этим просил прислать деревянные заготовки. Не отказывался на будущее от помощи в устройении его домовой церкви во имя Богоявления Господня: «Крест, Евангелие, сосуды, лампадки... все это в миниатюрном виде. Престол будет в аршин. Евангелие четверти в полторы. Крест меньше. Сосуд в рюмку – и все в таком размере. Место прилюбилось, и удобно будет. Надо только сработать. Когда пойдет дело, тогда скажу» (Летопись 2020: 110).

Обустраивал свое затворничество, в частности длинный балкон, на котором «пользовался воздухом»: «Ведь и это то же, что в лесу гулять!» (Творения VII: 47–48). «Я балкон свой загородил цветно-выпиленными досками – новое мое искусство! И меня-то не всякий увидит, а я всех вижу... какая хитрость» (Летопись 2020: 507), – писал преосвященный Тарбеевой. С балкона нередко наблюдал монастырскую жизнь. «У нас нынешний год толпа рабочих, – сообщал полковнику С. А. Первухину, – одни теплую церковь новую строят – против гостиницы, в которой вы помещались, другие краскашают холодную церковь, в которой вы молились. Но до моих хат шум их редко доходит. Разве в воскресенье когда или в праздник вечерком разгорланятся. Но я люблю слушать русские песни» (Корольков 1915: 44–45). Когда к Покрову 1875 г. «куда как хорошо, говорят», расписали Казанский собор («холодную церковь»), святитель в шутку или всерьез поделился с Тарбеевой своим намерением: «Надо когда-нибудь украдкою сходить посмотреть» (Летопись 2020: 589).

Эпистолярными свидетельствами того, как протекала жизнь в Вышенском затворе, – непревзойденными по своей глубине, исповедальной кротости и смирению – являются письма святителя Феофана к епископу Иеремии (Соловьеву), который, в бытность ректором Киевской духовной академии, совершил 15 февраля 1841 г. чин пострижения в монашество Георгия Васильевича Говорова с именем Феофан.

«Сказать вам не умею, какая великая милость Божия, что Он привел меня уединиться в такой тихой обители, – писал преосвященному владыке святитель Феофан 23 октября 1874 г. – Сначала я жил здесь, как и все добрые люди. Но как это мно-

гому стало мешать, то я перестал принимать и сам не выхожу. Больше это в видах книжничества. Но как ничего не видишь и не слышишь, то перепадает кое-что и душа. Велико: стакан с мутною водою немного отстоялся, хоть вся дрянь тут же – на дне. О, когда бы и ее выбросить! <...> Занятия мои утро и вечер – книжничество, а после обеда – какое-нибудь рукоделие. Я положил протолковать послания св. апостола Павла, – и вот все над ними корплю. Два к Солунянам и Ефесянам кончены, к Галатам кончу на днях, к празднику предполагаю поспешить и толкованием послания к Филиппийцам; а к Римлянам и к Коринфянам страх берет приступить: кажется, начнешь какое-либо и не окончишь. И над этими-то, какое покороче – бъешься-бъешься. Головенка-то моя не дюжа, а зависти много: и там, думаешь, надо посмотреть и там поглядеть, – и порядком намаешься. Помолитесь, чтоб это мне кончить. Авось иной, почитавши, перекрестится и скажет: «Спаси его, Господи!». А сам-то я очень ленив» (Летопись 2020: 518). И еще покаянно о себе: «А душа же моя что?! Душа, как обычно, и ничего с нею не поделаешь. Собираюсь махнуть на нее рукою. Вижу, в чем мое горе. В том, что я – не езженный конек. Не был под послушничеством и не умею слушаться.

И знать никого не хочу... Бога не боюсь и людей не срамлюсь. Сам себе господин. Настоящий владыка. Как-то в час смертный удастся сему владыке выдержать свою небоязненность!» (Летопись 2020: 570).

Кончина святителя Феофана (в переводе – Богоявленного) последовала 6 (19) января 1894 г. около четырех часов дня, в день престольного праздника его келейного храма Крещения Господня (Богоявления).

«В самый день кончины келейник, не слыша условного знака, заглянул в час дня в рабочий кабинет святителя. Сидит что-то пишет... Через полчаса – условный знак... За обедом святитель скушал половину яйца и ½ стакана молока. Не слыша знака к чаю, служитель в половине пятого снова заглянул: святитель лежал на кровати. Не прилег ли отдохнуть? Но что-то в сердце сказало о другом... Подойдя к святителю, слуга увидел, что он уже скончался. Левая рука лежала на груди, правая была сложена как для архиерейского благословения... На столике, подле кровати, лежала раскрытая январская книжка «Душеполезного чтения» (ДЧ 1894: 701–702).

Через две недели отошел ко Господу и келейник Евлампий, служивший преосвященному Феофану 27 лет, единственный человек,аждодневно наблюдавший вблизи затворническую жизнь святителя.

Источники и материалы

ДЧ 1894 – Душеполезное чтение. 1894. Ч. I.

Корольков И. Н. Преосвященный Феофан, бывший епископ Владимирский, и полковник С. А. Первухин в их взаимной переписке: (К 100-летию со дня рождения еп. Феофана). Киев, 1915.

Летопись 2020 – Летопись жизни и творений святителя Феофана, Затворника Вышенского. 1815–1894. В шести томах. Т. IV. 1866–1878. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. М., 2020.

Летопись 2022 – Летопись жизни и творений святителя Феофана, Затворника Вышенского. 1815–1894. В шести томах. Т. III. Кн. 2. 1865–1866. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. М., 2022.

Творения 1994 – Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем: В 8 вып. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства ПАЛОМНИКЪ, 1994.

Творения III – Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем: В 8 вып. Вып. III. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства ПАЛОМНИКЪ, 1994.

Творения V – Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем: В 8 вып. Вып. V. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства ПАЛОМНИКЪ, 1994.

Творения VII – Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем: В 8 вып. Вып. VII. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства ПАЛОМНИКЪ, 1994.

Хитров 1895 – *<Михаил Хитров, протоиерей>*. Сказание о житии преосвященного Феофана в его «затворе». М., 1895.

Научная литература

Георгий (Тертышников), архим. Святитель Феофан Затворник и его богословское наследие // Вышенский паломник. 1997. № 2. С. 3–15.

Климент, митрополит Калужский и Боровский. Переписка святителя Феофана со строителем Саровской пустыни иеромонахом Серафимом (Пестовым) по материалам Центрального государственного архива Республики Мордовии // Феофановские чтения: сб. науч. ст. Вып. 12. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019. С. 9–14.

- Лука (Степанов), игумен. Духовное родство Выши и Афона // Феофановские чтения: сб. науч. ст. Вып. IX. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2016. С. 28–35.
- Плещакова В. В. Традиции русской речи в письмах святителя Феофана, Затворника Вышенского // Богословское и педагогическое наследие святителя Феофана в аспекте современного пастырского и миссионерского служения. Феофановские чтения: сб. науч. ст. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2010. С. 43–54.
- Щербакова М. И. К творческой истории книги святителя Феофана «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 2. С. 111–116.
- Щербакова М. И. Эпистолярное наследие святителя Феофана (Говорова). Проблемы датировки // От истории текста к истории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2015.

References

- Georgii (Tertyshnikov), arkhim. 1997. Sviatitel' Feofan Zatvornik i ego bogoslovskoe nasledie [Saint Theophan the Recluse and his theological legacy]. *Vyshenskii palomnik* 2: 3–15.
- Kliment, mitropolit Kaluzhskii i Borovskii. 2019. Perekopka sviatitelia Feofana so stroitelem Sarovskoi pustyni ieromonakhom Serafimom (Pestovym) po materialam Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Mordovii [Correspondence of St. Theophan with the builder of the Sarov Hermitage, Hieromonk Seraphim (Pestov), based on materials from the Central State Archive of the Republic of Mordovia]. In *Feofanovskie chteniia: sbornik nauchnykh statei*, 9–14. Iss. 12 [Feofanov Readings: a collection of scientific articles]. Riazan': Riazanskii gosudarstvennyi universitet imeni S. A. Esenina.
- Luka (Stepanov), igumen. 2016. Dukhovnoe rodstvo Vyshi i Afona [Spiritual relationship of Vysha and Athos]. In *Feofanovskie chteniia: sbornik nauchnykh statei* [Feofanov Readings: a collection of scientific articles], 28–35. Iss. IX. Riazan': Riazanskii gosudarstvennyi universitet imeni S. A. Esenina.
- Pleshakova V. V. 2010. Traditsii russkoi rechi v pis'makh sviatitelia Feofana, Zatvornika Vyshenskogo [Traditions of Russian speech in the letters of St. Theophan, the Recluse of Vysha]. In *Bogoslovskoe i pedagogicheskoe nasledie sviatitelia Feofana v aspekte sovremenennogo pastyrskogo i missionerskogo sluzheniya. Feofanovskie chteniia: sbornik nauchnykh statei* [Theological and pedagogical heritage of St. Theophan in the aspect of modern pastoral and missionary service. Feofanov Readings: a collection of scientific articles], 43–54. Riazan': Riazanskii gosudarstvennyi universitet imeni S. A. Esenina.
- Shcherbakova M. I. 2022. K tvorcheskoi istorii knigi sviatitelia Feofana «Chto est' duchovnaia zhizn' i kak na nee nastroit'sia? Pis'ma» [To the creative history of the book of St. Theophan “What is spiritual life and how to tune in to it? Letters”]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 111–116. Vol 28. № 2.
- Shcherbakova M. I. 2015. Epistoliarnoe nasledie sviatitelia Feofana (Govorova). Problemy datirovki [Epistolary legacy of St. Theophan (Govorov). Dating issues]. In *O istorii teksta k istorii literatury* [From text history to literary history]. Moskva: IMLI RAN.

THE SECLUSION IN VYSHA HERMITAGE: ACCORDING TO THE LETTERS OF ST. THEOPHAN

Abstract. The description of the seclusion in Vysha Hermitage of St. Theophan (Govorov) is based on his letters, in which he explains the reason for his solitude, its spiritual meanings, differences from the real seclusion, describes the Vysha Hermitage, the daily schedule of his life, shares his thoughts on unhindered spiritual work, about creations and plans, about the benefits of handicraft, touches upon domestic matters. The article also uses the memoirs of A. P. Pokrovsky, Yu. M. Tikhomirova and others about the life of St. Theophan in Vysha before the strict seclusion, which began in the spring of 1873. Details of the death of St. Theophan on Epiphany 1894 are cited from a publication in the journal «Soul Reading».

Keywords: Russia, Orthodoxy, Theophan the Recluse Vyshensky, Vysha Hermitage, seclusion, epistolary, memoirs.

